

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ШАЛИМОВА ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 20808/02)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

4 Марта 2010

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

04/06/2010

Решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано.

В деле Шалимов против Украины,

Европейский суд по правам человека (Пятая секция), заседая Палатой в составе:

Peer Lorenzen, *председатель*,
Renate Jaeger,
Karel Jungwiert,
Rait Maruste,
Mark Villiger,
Zdravka Kalaydjieva, *судьи*,
Mykhaylo Buromenskiy, *ad hoc судья*,
и Claudia Westerdiek, *секретарь Секции*,

После обсуждения за закрытыми дверями 26 января 2010 года,

Провозглашает следующее решение, которое было принято в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по заявлению (№ 16404/03) против Украины, поданному в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Сергеем Васильевичем Шалимовым (далее - «Заявитель») 8 мая 2002 года.

2. Заявителя представлял г-н А. А. Кристенко, – юрист, практикующий в Харькове. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный г-н Юрий Зайцев.

3. 25 ноября 2008 года Суд признал заявление частично неприемлемым и решил уведомить Правительство о жалобах в отношении отказов в свиданиях с родственниками (статья 8), чрезмерной длительности содержания под стражей до суда (статья 5 § 3), отсутствия судебного рассмотрения его жалоб в отношении незаконности содержания под стражей (статья 5 § 4), длительности и несправедливости уголовных процедур (статья 6 §§ 1 и 3(c) и (d)) и отсутствия эффективных средств защиты касательно жалоб по статьям 6 и 8 (статья 13) Конвенции. Было также решено рассмотреть заявление по существу одновременно с рассмотрением его приемлемости (статья 29 § 3).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель родился в 1968 году и содержится в тюрьме.

5. По словам заявителя, 26 октября 1998 года он нашел мелкокалиберную винтовку и патроны. Он проверил ее на работоспособность и стал практиковаться в стрельбе. Все это происходило в присутствии его друга Т. Заявитель захотел в туалет и направился к кустам возле дороги. За кустами он столкнулся лицом к лицу с двумя незнакомцами, позднее установленными как Е. и Д., которые, как он утверждает, агрессивно себя вели. По словам заявителя, у одного из незнакомцев был предмет похожий на пистолет. Боясь за свою жизнь, он, обороняясь, выстрелил в одного из них и ушел. После этого он вернулся к Т., который был неподалеку. Заявитель сказал Т., что стрелял в реку.

6. Позже в тот же день заявитель отсоединил затвор от ружья и выбросил их в реку.

27 октября 1998 года Е. и Д. были обнаружены мертвыми (застреленными); было возбуждено уголовное дело.

7. 30 октября 1998 года заявитель был задержан по подозрению в совершении убийства Е. и Д.. Заявитель признался, что выстрел в Д. был самозащитой.

8. 31 октября 1998 года следователь прокуратуры З. провел воспроизведение обстоятельств событий под видеозапись. Во время этого следственного действия заявитель просил предоставить ему защитника. Прокурор З. отказал ему в этом.

9. 2 ноября 1998 года прокурор г. Енакиево принял решение о содержании заявителя под стражей на основании того, что заявитель подозревался в совершении тяжкого преступления и мог скрыться. Содержание заявителя под стражей несколько раз продлевалось прокурорами: до трех месяцев 21 декабря 1998 года, до пяти месяцев 25 января 1999 года и до шести месяцев 25 марта 1999 года, – без указания каких-либо оснований.

10. 4 ноября 1998 года К. назначили защитником заявителя.

11. Между 2 ноября 1998 года и 27 апреля 1999 года следственные органы провели несколько медицинских экспертиз и допросили нескольких свидетелей. Следователь просил медицинского эксперта проверить соответствие результатов экспертизы показаниям заявителя об обстоятельствах преступления.

12. 27 апреля 1999 года заявитель попросил назначить ему адвоката П. Его ходатайство удовлетворили.

13. 27 апреля по 1 июля 1999 года заявителю и его адвокату было предоставлено время для ознакомления с материалами дела. Несколько раз они просили продлить срок ознакомления с материалами дела.

14. 1 июля 1999 года следователь составил обвинительное заключение и передал дело в апелляционный суд Донецкой области (Донецкий суд), действующий как суд первой инстанции.

15. 15 июля 1999 года заявитель предстал перед судом. Донецкий суд продлил содержание заявителя под стражей, решив оставить избранную ему меру пресечения без изменений.

16. 10 декабря 1999 года суд назначил две судебно-медицинские экспертизы в отношении жертв и орудия, с помощью которого было совершено преступление.

17. 14 июня 2000 года была проведена дополнительная судебно-медицинская экспертиза.

18. 5 января 2001 года была проведена дополнительная баллистическая экспертиза.

19. 1 марта 2001 года судебное следствие по делу заявителя было возобновлено. Донецкий суд продлил содержание заявителя под стражей без указания оснований.

20. В сентябре 2001 года заместитель председателя апелляционного суда Донецкой области в ответ на жалобу заявителя об отказах в свиданиях с родственниками сообщил последнему, что слушание его дела назначено на 14 января 2002 года и что ему будет разрешено свидание с родственниками после принятия решения по делу.

21. С 14 по 17 января 2002 года Донецкий суд провел заседания по делу и допросил нескольких свидетелей. Свидетели Т. и К. в заседании не присутствовали.

22. 21 января 2002 года Донецкий суд принял решение о возвращении дела для проведения дополнительного расследования на том основании, что прокурор З., отвечавший за проведение расследования, не имел для этого полномочий; следователи не обнаружили затвор от ружья; не было доказано вне разумного сомнения, что заявитель умышленно убил Е. и Д.; и следствие неполно проверило обстоятельства получения от заявителя признательных показаний. Донецкий суд продлил содержание заявителя под стражей без указания оснований.

23. 28 января 2002 года прокуратура Донецкой области обжаловала решение от 21 января 2002 года.

24. 14 марта 2002 года Верховный суд Украины отменил решение Донецкого суда от 21 января 2002 года и направил дело на новое рассмотрение в тот же суд. Суд отметил, что прокурор имел полномочия проводить расследование и что следователи искали затвор от ружья, однако спустя три года ситуацию с пропавшей вещью исправить было невозможно. Суд также отметил, что суд первой

инстанции должен был проверить обстоятельства получения от заявителя признательных показаний в ходе судебных процедур. Наконец, суд указал, что вопрос о достаточности доказательств по обвинению заявителя должен был быть решен судом первой инстанции при рассмотрении дела по существу.

25. 15 апреля 2002 года заявитель предстал перед судом. Донецкий суд продлил содержание заявителя под стражей без указания оснований.

26. Письмом от 12 сентября 2002 года, председатель апелляционного суда Донецкой области в ответ на жалобу заявителя, сообщил, кроме прочего, что в связи с болезнью судьи С., который с самого начала проводил разбирательство по делу, дело 1 марта 2001 года было передано судье Д. и следующее заседание назначено на 14 января 2002 года. После возвращения дела в суд 4 апреля 2002 года его слушание было назначено на 5 августа 2002 года, а потом, в связи с болезнью судьи Д., перенесено на 9 сентября 2002 года.

27. 24 сентября 2002 года Донецкий суд признал заявителя виновным в совершении двух убийств из хулиганских побуждений и приговорил его к пятнадцати годам лишения свободы. Суд пришел к заключению, что обе жертвы были убиты из одного оружия, которое могло быть ружьем, использованным заявителем (однозначная идентификация была невозможна без затвора). Суд установил, *inter alia*, что других орудий не было найдено ни на месте преступлений, ни в окрестностях, что Т. слышал несколько выстрелов, когда заявитель был за кустами и что последний вел себя естественно после происшествия и не был обеспокоен или возбужден. Суд далее рассмотрел процессуальные недостатки досудебного следствия и исключил часть доказательств, в частности, видеокассету с записью воспроизведения обстоятельств события от 31 октября 1998 года как доказательство, полученное с нарушением права заявителя на защиту.

28. Заявитель обжаловал решение от 24 сентября 2002 года, ставя под сомнение, кроме прочего, свидетельские показания К. и интерпретацию судом доказательств.

29. Частным определением, вынесенным в тот же день, Донецкий суд обратил внимание прокуратуры Донецкой области на процессуальные нарушения досудебного следствия, допущенные прокурором З., включая отказ в предоставлении заявителю адвоката при воспроизведении обстоятельств события. В результате, прокурор получил дисциплинарное взыскание.

30. После приговора, заявителю разрешили свидание с матерью и женой. В общем, у него было тринадцать свиданий в период с 25 сентября 2002 по 30 октября 2003 года.

31. 4 февраля 2003 года Донецкий суд отказал заявителю в удовлетворении его ходатайства о доступе к аудиозаписи слушаний. Заявитель обжаловал это определение.

32. 26 февраля 2003 года Донецкий суд рассмотрел ходатайства заявителя касательно записей судебных слушаний и отклонил их.

33. 15 мая 2003 Верховный суд Украины отменил определения от 4 и 26 февраля 2003 года.

34. 7 августа 2003 года Донецкий суд отклонил требования заявителя в отношении доступа к аудиозаписям заседаний суда. Суд также рассмотрел возражения заявителя на протокол судебного заседания и отклонил их.

35. 2 октября 2003 года Верховный суд оставил в силе приговор от 24 сентября 2002 года.

36. В 2002-2003 годах заявитель и его представитель подавали множество ходатайств в Донецкий суд о предоставлении копий документов из материалов уголовного дела. В ответ им сообщалось, что обвиняемому предоставляется лишь копии судебных решений и соответствующие решения высших судов. В отношении других документов суд сообщил, что заявитель и его представитель имели доступ к материалам дела и могли сделать все необходимые копии.

37. 16 января 2004 года Прокуратура города Дебальцево отказала в возбуждении уголовного дела в отношении прокуроров З. и Н. по жалобе заявителя о том, что его право на защиту 31 октября 1998 года было нарушено и, что прокуроры требовали от него взятку в обмен на прекращение уголовного дела. Было установлено, что прокурор З. понес дисциплинарное наказание за вышеуказанное нарушение права заявителя на защиту. Жалобы касательно взяток были отклонены следователем как необоснованные.

38. Письмами от 29 октября 2004 года и 8 сентября 2005 года Верховный суд сообщил заявителю о том, что оснований для пересмотра его дела нет.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Содержание под стражей

39. Уголовно-процессуальный кодекс 1960 (до 21 июня 2001 года) предусматривал:

Статья 236-3

Обжалование в суд санкции прокурора на арест

«Санкция прокурора на арест может быть обжалована арестованным, его защитником, законным представителем в районный (городской) суд...

Жалоба подается в суд непосредственно или через администрацию места предварительного заключения, которая обязана на протяжении суток направить жалобу в соответствующий суд».

Статья 263

Права подсудимого во время судебного разбирательства

«В судебном заседании подсудимый имеет право:

...3) заявлять ходатайства ...»

Статья 273

Порядок вынесения определений в судебном заседании

«По всем вопросам, которые решаются судом во время судебного разбирательства, суд выносит постановления. Постановления ... об избрании, изменение или отмены меры пресечения ... выносятся судом в совещательной комнате в форме отдельного документа, который подписывается всем составом суда.

Постановления, вынесенные судом должны быть оглашены ...»

Статья 274

Избрание, отмена или изменение меры пресечения в суде

«Во время рассмотрения дела, при наличии к этому оснований, суд может своим постановлением изменить, отменить или избрать меру пресечения в отношении подсудимого...»

40. Указанная выше статья 236-3 была исключена из Уголовно-процессуального кодекса Законом о внесении изменений в этот кодекс от 21 июня 2001 года. На основании этого закона появились новые нормы, регулирующие избрание меры пресечения на досудебной стадии:

Статья 165

Общие положения о порядке применения, отмены и изменения меры пресечения

«Мера пресечения в виде заключения под стражу применяется только по мотивированному постановлению суда или определению суда...»

Статья 165-2

Порядок избрания меры пресечения

«...В стадии досудебного расследования дела меру пресечения, не связанную с содержанием под стражей, избирает орган дознания, следователь, прокурор.

Если орган дознания, следователь полагает, что есть основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, он с согласия прокурора вносит представление в суд. Такое же представление вправе внести прокурор. При решении этого вопроса прокурор обязан ознакомиться со всеми

материалами, которые дают основания для заключения под стражу, проверить законность получения доказательств, их достаточность для обвинения.

Представление должно быть рассмотрено в течение семидесяти двух часов с момента задержания подозреваемого или обвиняемого.

Если в представлении ставится вопрос о заключении под стражу лица, пребывающего на свободе, судья вправе своим постановлением дать разрешение на задержание подозреваемого, обвиняемого и доставление его в суд под стражей. Задержание в этом случае не может продолжаться более семидесяти двух часов, а в случае когда лицо находится за пределами населенного пункта, в котором действует суд, — не более сорока восьми часов с момента доставления задержанного в этот населенный пункт.

После получения представления судья изучает материалы уголовного дела, представленные органами дознания, следователем, прокурором, допрашивает подозреваемого или обвиняемого, а при необходимости получает пояснения у лица, в производстве которого находится дело, заслушивает мнение прокурора, защитника, если он явился, и выносит постановление:

- 1) об отказе в избрании меры пресечения, если для ее избрания нет оснований;
- 2) об избрании подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу.

Отказав в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, суд вправе избрать подозреваемому, обвиняемому меру пресечения, не связанную с содержанием под стражей.

На постановление судьи в апелляционный суд прокурором, подозреваемым, обвиняемым, его защитником или законным представителем в течение трех суток со дня его вынесения может быть подана апелляция. Подача апелляции не приостанавливает исполнения постановления судьи...»

41. Соответствующие положения статей 263, 273 и 274 Кодекса остались прежними после изменений 21 июня 2001 года.

42. Другое применимое законодательство в отношении содержания под стражей изложено в делах *Solovey and Zozulya v. Ukraine* (№№ 40774/02 и 4048/03, § 43, 27 ноября 2008 года) и *Shavel v. Ukraine* ((опр.), №. 25486/03, 8 января 2007 года).

В. Свидание с членами семьи

43. В соответствии со статьей 12(1) Закона о предварительном заключении от 1993 года разрешение на свидание с близкими родственниками (в принципе, раз в месяц по 1-2 часа) может быть дано администрацией места лишения свободы, но только с письменного согласия следователя или суда, рассматривающего дело, в зависимости от того, на какой стадии находится дело.

44. Соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса гласят:

Статья 162

Свидание с арестованным

«Свидание родственников или других лиц с арестованным может разрешить лицо или орган, которые ведут производство по делу. Длительность свидания устанавливается от одного до двух часов. Свидание может быть разрешено, как правило, не более одного раза в месяц».

Статья 345

Предоставление родственникам разрешения на свидание с осужденным

«До вступления приговора в законную силу, председательствующий или председатель соответствующего суда обязан дать разрешение близким родственникам осужденного по из просьбе на свидание с осужденным, который содержится под стражей».

ПРАВО

I. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ

45. В своих замечаниях на возражения Правительства заявитель подал новые жалобы по статье 5 §§ 1(с) и 3 и статье 6 §§ 1 и 3(с) Конвенции, утверждая, что предварительное содержание его под стражей было незаконным, что он не был незамедлительно доставлен к судье, что у него не было доступа к аудиозаписям слушаний и, что его адвоката не допускали к нему в период предварительного заключения. Суд отмечает, что эти новые запоздалые жалобы не являются уточняющими по отношению к первоначальным жалобам, по которым стороны давали свои комментарии. Поэтому Суд считает, что рассмотрение сейчас этих жалоб отдельно является нецелесообразным (см., *mutatis mutandis*, *Piryanik v. Ukraine*, № 75788/01, § 20, 19 апреля 2005 года).

II. УТВЕРЖДАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

46. Заявитель жаловался на то, что продолжительность содержания его под стражей была чрезмерной, а также на то, что он не мог инициировать судебные процедуры для рассмотрения вопроса о законности предварительного содержания под стражей. Он ссылаясь на статью 5 §§ 3 и 4 Конвенции, которая предусматривает в ее соответствующих частях:

«3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Длительность содержания заявителя под стражей

1. Приемлемость

47. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Он также отмечает, что нет каких-либо других оснований считать ее неприемлемой. Таким образом, он должен признать ее приемлемой.

2. Существо дела

48. Правительство утверждало, что национальные органы власти имели основания для содержания заявителя под стражей, поскольку он подозревался в совершении тяжкого преступления и мог уклониться от правосудия и помешать ходу следствия. Оно считало, что национальные органы власти проводили расследование с надлежащей старательностью, поскольку дело было сложным и требовало проведения ряда экспертиз и других следственных действий.

49. Заявитель был не согласен. Он считал, что национальные органы власти не проявили надлежащей старательности по его делу и что решения о содержании его под стражей были безосновательными.

50. Суд напоминает, что вопрос о том, вопрос о разумности срок содержания под стражей не может оцениваться *in abstracto*. Он должен оцениваться в соответствии с особенностями каждого дела, основаниями национальных органов и надлежащим образом документированными фактами, указанными заявителем в своих ходатайствах об освобождении. Длительное содержание под стражей может быть оправданным в каждом случае, если существуют конкретные указания на реальные общественные интересы, которые, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивают правило уважения личной свободы (см., среди прочего, *Labita v. Italy* [GC], по. 26772/95, § 153, ECHR 2000-IV).

51. Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей длилось три года и почти одиннадцать месяцев. Он отмечает, что основаниями,

указанными в первоначальном постановлении, для содержания под стражей были серьезные обвинения против заявителя и риск его побега. Впоследствии, прокуроры и судьи не указывали никаких оснований для содержания заявителя под стражей, просто отмечая, что избранная мера пресечения была правильная. Однако статья 5 § 3 предусматривает, что после истечения некоторого времени разумное подозрение само по себе больше не может оправдывать лишение свободы, поэтому национальные органы власти должны предоставить другие основания для длительного содержания под стражей (см. *Jabłoński v. Poland*, №. 33492/96, § 80, 21 декабря 2000 года, и *I.A. v. France*, № 28213/95, § 102, Доклады по решениям и определениям 1998-VII). Более того, эти основания должны быть четко указаны национальными органами (см. *Howiecki v. Poland*, № 27504/95, § 61, 4 октября 2001 года). В данном деле суды не указывали таких оснований. К тому же, национальные органы власти не рассматривали применение альтернативных содержанию под стражей мер.

52. Указанных выше соображений достаточно для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что была нарушена статья 5 § 3 Конвенции.

В. Отсутствие пересмотра законности содержания под стражей

53. Правительство отметило, что национальные суды рассматривали вопрос о законности содержания заявителя под стражей в судебных процедурах. Оно также отметило, что заявитель не обжаловал ни одного постановления прокурора о содержании его под стражей. В ходе судебных процедур суды продлевали содержание заявителя под стражей, ссылаясь на тяжесть инкриминируемого ему преступления и риск побега.

54. Заявитель не оспаривал факт, что он не обжаловал соответствующие постановления прокурора в суды, однако жаловался на то, что такие обжалования не имеют ничего общего с возможностью периодического пересмотра законности содержания его под стражей для целей статьи 5 § 4. Он утверждал, что подавал множество ходатайств об освобождении следователю и что до 8 декабря 1999 года, когда он впервые был доставлен к судье, у него не было доступа к суду. Он также утверждал, что подавал множество ходатайств об освобождении в суд, однако безрезультатно.

55. Суд напоминает, что целью статьи 5 § 4 является обеспечение арестованным и содержащимся под стражей лицам права на судебный контроль законности избранной меры пресечения (см., *mutatis mutandis*, *De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*, решение от 18 июня 1971 года, Серия А № 12, § 76). Средство защиты должно быть доступным, пока лицо содержится под стражей, для того чтобы оно могло получить безотлагательный пересмотр законности содержания

под стражей, способный привести, где это необходимо, к его или ее освобождению. Наличие такого средства защиты должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, иначе оно будет лишено доступности и эффективности, требуемых для целей этих положений (см., *mutatis mutandis*, *Stoichkov v. Bulgaria*, № 9808/02, § 66 *in fine*, 24 марта 2005 года, и *Vachev v. Bulgaria*, № 42987/98, § 71, ECHR 2004-VIII (выдержки)). Доступность средства защиты предполагает, *inter alia*, что обстоятельства, созданные самими органами власти, должны быть в состоянии предоставить заявителям реальную возможность его использования (см. *mutatis mutandis*, *Čonka v. Belgium*, №. 51564/99, §§ 46 и 55, ECHR 2002-I).

56. Суд отмечает, что в данном деле заявитель не предоставил деталей или документов и не обосновал другим способом, что подавал ходатайство об освобождении в суд во время содержания под стражей до суда. Кроме того, заявитель своими аргументами не убедил в том, что он не имел доступа к суду на стадии расследования, учитывая, что он был представлен адвокатом с 4 ноября 1998 года, пятого дня содержания под стражей.

57. Суд также отмечает, что в соответствии с национальным законодательством существовали средства защиты, которые были эффективны хотя бы в теории, поскольку заявитель имел право инициировать пересмотр содержания его под стражей и что суды имели достаточную компетенцию для изменения меры пресечения. Поскольку заявитель не использовал эти средства защиты, Суд не может рассуждать о том, были бы ходатайства заявителя об освобождении рассмотрены в соответствии с требованиями статьи 5 § 4, и соответственно, не может оценивать эффективность существующих средств защиты на практике в обстоятельствах данного дела. Таким образом, эта жалоба является откровенно необоснованной в значении статьи 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

II. УТВЕРЖДАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ 6 СТАТЬИ КОНВЕНЦИИ

58. Заявитель жаловался на то, что уголовные процедуры были несправедливыми и неоправданно длительными. Он также жаловался на нарушение права на защиту и допрос свидетеля. Он ссылаясь на статью 6 §§ 1 и 3 (с) и (d) Конвенции, которая предусматривает в своих применимых частях:

«1. При предъявлении ... любого уголовного обвинения, каждый имеет право на справедливое разбирательство дела... в разумный срок... судом.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него...»

А. Приемлемость

1. Право на защиту

59. Заявитель жаловался на нарушение права на защиту во время проведения воспроизведения обстоятельств события 31 октября 1998 года, когда следователь отклонил соответствующее требование заявителя.

60. Правительство утверждало, что нарушение права заявителя на защиту, на которое он жалуется в этот Суд, было признано, а право защищено на национальном уровне и поэтому заявитель не может жаловаться, что стал жертвой нарушения статьи 6 § 3 (с) Конвенции.

61. Заявитель оспаривал возражения Правительства, ссылаясь на то, что полученное с нарушением права на защиту доказательство косвенно использовалось при проведении судебно-медицинских экспертиз и, что результаты этих экспертиз не были исключены из существенных доказательств.

62. Суд отмечает, что в соответствии с материалами дела, заявителя защищал адвокат на стадии расследования. Эпизод, на который заявитель жалуется в этом Суде, был тщательно рассмотрен национальными судами, и они решили исключить материалы, полученные в ходе проведения воспроизведения обстоятельств событий именно по этой причине: нарушение права на защиту. Кроме того, следователь понес дисциплинарное наказание за нарушение права заявителя на защиту. Что касается аргументов заявителя о том, что результаты судебных экспертиз были тесно связаны с исключенными доказательствами, то следователь, кажется, кроме прочего, просил экспертов установить соответствует ли полученная информация показаниям заявителя. Суд считает, что эта жалоба, сформулированная заявителем, была адекватно рассмотрена на национальном уровне (см. параграфы 27 и 29 выше), и заявитель не может больше жаловаться, что является жертвой указанного нарушения. Из этого следует, что эта жалоба является несовместимой *ratione personae* с положениями Конвенции по смыслу статьи 35 § 3 и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 § 4.

2. Право допрашивать свидетелей

63. Правительство утверждало, что заявитель в своей кассационной жалобе заявитель не поднимал вопроса об отказе в допросе свидетелей К. и Т., а поэтому не исчерпал национальные средства защиты, доступные по внутреннему законодательству.

64. Заявитель утверждал, что он заявлял несколько ходатайств в суде первой инстанции в отношении допроса К. и Т. и жаловался на неправильную оценку показаний этим судом. Таким образом, по его мнению, он косвенно требовал их допроса снова.

65. Суд не убедили аргументы заявителя, и он приходит к выводу, что заявитель не сформулировал в своей кассационной жалобе требование о допросе конкретных свидетелей. Из этого следует, что эта жалоба должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 1 и 4 Конвенции ввиду неисчерпания национальных средств защиты.

3. Справедливость судебного разбирательства

66. Заявитель жаловался на то, что процедуры были несправедливыми, что национальные суды не были беспристрастными и независимыми, сфальсифицировали материалы дела против него и неправильно дали оценку доказательствам.

67. Суд отмечает, что он не является апелляционным судом, или, как говорят, судом четвертой инстанции по отношению к решениям, принятым национальными судами. Это обязанность национальных судов – толковать и применять соответствующие положения процессуального и материального законодательства. Кроме того, национальные суды находятся в лучшем положении при оценке убедительности показаний свидетелей и допустимости доказательств в деле (см., среди других, *Vidal v. Belgium*, решение от 22 апреля 1992 года, Серия А № 235-В, стр. 32, § 32, и *Edwards v. the United Kingdom*, решение от 16 декабря 1992 года, Серия А № 247-В, стр. 34-35, § 34).

68. Учитывая материалы, представленные заявителем, Суд приходит к выводу о том, что заявитель не обосновал жалобу о том, что процессуальные гарантии статьи 6 были нарушены в его деле.

69. В отношении жалобы заявителя на небеспристрастность судов: того, что суды приняли решение против заявителя, не достаточно для вывода об их небеспристрастности.

70. Таким образом, эта часть заявления является явно необоснованной и должна быть исключена в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

4. Длительность процедур

71. Правительство считало, что длительность уголовных процедур против заявителя была оправданной.

72. Заявитель был не согласен.

73. Суд отмечает, что жалоба не является явно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Он также отмечает, что нет каких-либо других оснований считать ее неприемлемой. Таким образом, он должен признать ее приемлемой.

В. Существо дела

74. Правительство считало, что длительность уголовных процедур против заявителя была оправданной, учитывая сложность дела. Кроме того, в процедурах фигурировали тринадцать свидетелей, два потерпевших и один эксперт на стадии досудебного следствия и девятнадцать свидетелей, два потерпевших и один эксперт на стадии судебного рассмотрения. Правительство также утверждало, что заявитель и другие лица причастны к длительности процедур. В частности, заявитель и его адвокат подавали несколько ходатайств о переносе даты судебных заседаний по делу. Они также заявляли отводы судьям и просили о проведении дополнительных допросов свидетелей, что привело к задержкам. Правительство далее отметило, что в деле было проведено восемь экспертиз.

75. Заявитель считал, что ему могут быть приписаны лишь короткие задержки, и отметил, что имели место длительные периоды бездействия во время судебного рассмотрения его дела.

76. Суд напоминает, что разумность длительности процедур должна оцениваться в свете обстоятельств дела с учетом критериев, сформулированных в практике Суда, в частности сложности дела, поведения заявителя и компетентных органов власти (см., среди многих других органов власти, *Pélissier and Sassi v. France* [БП], № 25444/94, § 67, ECHR 1999-II, и *Lugovoy v. Ukraine*, № 25821/02, § 33, 12 июня 2008 года).

77. Суд отмечает, что уголовные процедуры против заявителя длились с 30 октября 1998 года по 2 октября 2003 года, т. е. четыре года, одиннадцать месяцев и три дня. Суд также отмечает, что были периоды, в которые предпринималось мало действий или они вообще не предпринимались. Органам власти потребовалось больше года для проведения по делу дополнительных экспертиз – медицинской и баллистической: с 10 декабря 1999 года по 5 января 2001 года. После последней даты предварительное заседание началось почти два месяца спустя, а слушания по делу было назначено на 14 января 2002 года, то есть через десять с половиной месяцев. Никаких действий между предварительным слушанием 15 апреля 2002 и рассмотрением дела по существу 9 сентября 2002 года, то есть почти пять месяцев, также не проводилось. По мнению Суда, эти задержки зависели от органов власти и не могут быть оправданы сложностью дела или поведением

заявителя. Кроме того, органам власти необходимо было проявить надлежащую старательность, учитывая рассматриваемый период содержание заявителя под стражей.

78. Вышеупомянутые соображения являются достаточными для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что процедуры в деле заявителя были чрезмерно длительными. Таким образом, была нарушена статья 6 § 1 Конвенции.

III. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

79. Заявитель далее жаловался на то, что ему не разрешали видеться с семьей на протяжении четырех лет досудебного следствия. Статья 8 Конвенции предусматривает:

«1. Каждый имеет право на уважение его ... семейной жизни ...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Приемлемость

80. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Он также не видит других оснований считать ее неприемлемой. Поэтому, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

81. Правительство признало, что имело место вмешательство в семейную жизнь заявителя. Однако оно считало, что это вмешательство было оправданным. Оно утверждало, что вопрос о разрешении свиданий с семьей регулировался национальным законодательством, а именно статьей 162 Уголовно-процессуального кодекса. Отказ в разрешении свиданий в ходе расследования был в интересах общественной безопасности и необходим в демократическом обществе. Оно также отметило, что после осуждения заявителя, ему неоднократно разрешали свидание с его матерью и женой.

82. Заявитель жаловался на то, что вмешательство в его семейную жизнь не соответствовало условиям, изложенным во втором параграфе статьи 8.

1. Наличие вмешательства

83. Стороны не спорили о наличии «вмешательства органов власти», в значении статьи 8 § 2 Конвенции, в право заявителя на уважение его семейной жизни, гарантированное статьей 8 § 1.

2. Было ли вмешательство оправданным

84. Главным вопросом является то, оправдано ли было вмешательство значении статьи 8 § 2. В частности, чтобы не противоречить статье 8, вмешательство должно быть «в соответствии с законом», преследовать легитимную цель и быть необходимым в демократическом обществе для достижения этой цели (см. *Silver and Others v. the United Kingdom*, решение от 25 марта 1993 года, Серия А №. 61, стр. 32, § 84, и *Petra v. Romania*, решение от 23 сентября 1998 года, Доклады 1998-VII, стр. 2853, § 36).

85. Суд сначала должен рассмотреть было ли вмешательство «предусмотрено законом». Это выражение требует, прежде всего, чтобы мера основывалась на национальном законодательстве; оно также отсылает к качеству закона, требуя, чтобы он был доступен лицу, давал возможность предвидеть последствия его применения и соответствовал верховенству права (см. *Kruslin v. France* и *Huvig v. France*, решения от 24 апреля 1990 года, Серия А №. 176-А, стр. 20, § 27, и Серия А №. 176-В, стр. 52, § 26, соответственно).

86. Утверждая, что эти требования были выполнены, Правительство в своих письменных возражениях ссылалось на положения статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса, которая предусматривает возможность получения разрешения на свидание с семьей на стадии досудебного следствия.

87. Суд сначала отмечает, что жалоба заявителя ограничивалась периодом содержания под стражей до приговора. Факт того, что заявитель имел свидания после осуждения, поэтому не относится к данному заявлению, и эта возможность, на самом деле, регулируются другими положениями Уголовно-процессуального кодекса, а именно статьей 345, которая обязывает суд предоставить свидание осужденному.

88. Суд далее отмечает, что статья 162 Уголовно-процессуального кодекса и статья 12(1) Закона о предварительном заключении 1993 года предусматривают, что следователь или судья разрешает свидания во время содержания обвиняемого под стражей до суда, однако эти нормы не содержат с достаточной степенью ясности границы и характер свободы действий органов власти в отношении запрета

контактов с семьей. Действительно, эти положения не требуют от них указания оснований для своих дискреционных решений или вынесения формального решения, которое может быть обжаловано, поэтому они не содержат гарантий от произвола или злоупотребления. В деле заявителя судья просто указал, что он может увидеться с семьей после рассмотрения его дела по существу без указания того, почему свидания не могли быть разрешены раньше.

89. Суд приходит к выводу, что в данных обстоятельствах нельзя говорить о том, что вмешательство в право заявителя на «уважение семейной жизни» было «в соответствии с законом», как того требует статья 8 § 2 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, *Ostrovar v. Moldova*, №. 35207/03, §§ 107-108, 13 сентября 2005 года).

90. В свете вышеуказанных выводов, Суд считает, что нет необходимости рассматривать необходимость вмешательства в демократическом обществе для одной из целей, закрепленных в статье 8 § 2 Конвенции.

91. Таким образом, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

IV. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

92. Заявитель также жаловался на отсутствие эффективных средств защиты в отношении его жалоб на отказ в предоставлении свиданий и длительности уголовных процедур. Он ссылаясь на статью 13, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

93. Правительство утверждало, что нарушений статьи 6 и 8 не было, а поэтому статья 13 не применима.

А. Отсутствие средств защиты от длительности уголовных процедур

94. Суд приходит к выводу о том, что эта жалоба связана с жалобой на длительность уголовных процедур. Он считает, что она не является явно необоснованной или неприемлемой по основаниям, изложенным в статье 35 Конвенции. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

95. Суд напоминает, что статья 13 гарантирует эффективное средство защиты перед национальным органом от утверждаемого нарушения требований статьи 6 § 1 рассмотреть дело в разумный срок (см. *Kudla v. Poland* [БП], №. 30210/96, § 156, ECHR 2000-XI). Суд далее ссылается на свои выводы в деле *Merit* в отношении

эффективности и доступности в национальном законодательстве средств защиты от длительности уголовных процедур (см. *Merit v. Ukraine*, №. 66561/01, §§ 78-79, 30 марта 2004 года).

96. Суд не видит причин отступать от своей практики в данном деле.

97. Таким образом, была нарушена статья 13 Конвенции.

В. Отсутствие средств защиты от вмешательства в семейную жизнь

98. Суд приходит к выводу, что эта жалоба связана с жалобой по статье 8 Конвенции и, поэтому, также должна быть признана приемлемой.

99. Суд отмечает, что правовая система Украины дает право на свидание с родственниками лицам, содержащимся под стражей до суда, однако не предусматривает процедуры, способной определить добросовестность дискреционных полномочий следователя и судов, а также обоснованность и оправданность разрешения или отказа в предоставлении свиданий. Однако он напоминает, что статью 13 нельзя толковать так, будто она требует предусмотреть средство защиты от состояния национального закона, иначе Суд возложил бы на Договарившиеся Стороны обязанность инкорпорировать Конвенцию (см. *Appleby and Others v. the United Kingdom*, №. 44306/98, § 56, ECHR 2003-VI; *Ostrovar v. Moldova*, №. 35207/03, § 113, 13 сентября 2005 года). Таким образом, поскольку в национальном законодательстве не существует средства защиты от качества статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса и статьи 12(1) Закона о предварительном заключении 1993 года, жалоба заявителя является несовместимой с этим принципом. При таких обстоятельствах, Суд приходит к выводу о том, что нарушения статьи 13 Конвенции не было.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

100. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вред

101. В отношении нематериального вреда заявитель требовал 50 000 евро.

102. Правительство считало это требование безосновательным.

103. Суд считает, что заявителю причинен нематериальный вред, который не может ограничиться простым признанием нарушения его прав, закрепленных Конвенцией. Учитывая обстоятельства дела и решая на справедливой основе, как этого требует статья 41, он присуждает заявителю 3 000 тысячи евро в качестве возмещения понесенного причиненного ему нематериального вреда.

В. Расходы и издержки

104. Заявитель также требовал возмещения 2 000 евро расходов и издержек, понесенных в связи с рассмотрением дела Судом.

105. Правительство указывало, что это требование безосновательно, поскольку заявитель не предоставил никаких подтверждающих документов.

106. Суд отмечает, что заявитель не предоставил никаких доказательств в поддержку понесенных расходов и издержек. Таким образом, он не присуждает никакой суммы по этому требованию.

С. Пеня

107. Суд считает уместным, чтобы пеня основывалась на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ЭТОГО СУД

1. *Признает* единогласно жалобы в отношении длительности досудебного содержания под стражей и уголовных процедур против него, отказа в свиданиях с семьей и отсутствия эффективных средств защиты от указанных выше нарушений приемлемыми;
2. *Признает* большинством голосов неприемлемыми остальные жалобы;
3. *Постановляет* единогласно, что была нарушена статья 5 § 3 Конвенции;
4. *Постановляет* единогласно, что была нарушена статья 6 § 1 Конвенции в отношении длительности процедур;

5. *Постановляет* единогласно, что была нарушена статья 8 Конвенции;
6. *Постановляет* единогласно, что была нарушена статья 13 Конвенции в отношении длительности процедур;
7. *Постановляет* единогласно, что статья 13 Конвенции в отношении отказав в свиданиях с семьей не была нарушена;
8. *Постановляет* единогласно,
 - (а) государство-ответчик должно в качестве возмещения нематериального вреда выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, 3 000 тысячи евро плюс любой возможный налог в переводе в национальную валюту Украины по курсу, действующему на день выплаты;
 - (б) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты на вышеуказанную сумму начисляется пеня в размере предельной кредитной ставки Европейского центрального банка в этот период с добавлением трех процентных пунктов;
9. *Отклоняет* остальные требования заявителя относительно возмещения.

Составлено на английском языке и объявлено письменно 4 марта 1010 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Claudia Westerdiek Peer Lorenzen
Секретарь Председатель

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда несовпадающее мнение судьи Kalaydjieva присоединяется к решению.

P.L.
C.W.

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ KALAYDJIEVA

Я полностью разделяю точку зрения моих уважаемых коллег в отношении неоправданной длительности содержания под стражей до суда и уголовных процедур против заявителя. Они особенно поразительны в данном деле, когда заявитель самостоятельно явился в полицию с признанием. Во время следствия заявитель оставался под стражей и был лишен контактов с семьей в течение более чем трех лет (1999-2002) – период, необходимый национальным органам власти для проведения трех дополнительных экспертных заключений.

Я разделяю мнение, что *«задержки (в процедурах) зависели от органов власти и не могут быть оправданы сложностью дела или поведением заявителя»* и что *«[к]роме того, органам власти необходимо было проявить надлежащую старательность, учитывая рассматриваемый период содержание заявителя под стражей»* (§ 77). Суд был единогласен (§ 51) в своих оценках решений от 15 июля 1999 года, 1 марта 2001 года и 15 апреля 2002 года (см. параграфы 15, 19, 22 и 25), что национальные органы власти *«не указывали никаких оснований для содержания заявителя под стражей, просто отмечая, что избранная мера пресечения была правильная»* и что *«национальные органы власти не рассматривали применение альтернативных содержанию под стражей мер»* (параграф 51). Хотя признанные отдельно в статье 6 § 1 и 5 § 3, оба вывода равно относятся к вопросу о *«разумном сроке разбирательства в суде или освобождении до суда»*. Они относятся также к выводам большинства и по статье 5 § 4 Конвенции, с которыми я не согласна.

Глядя на обстоятельства дела, нельзя избежать впечатления того, раз заявитель был заключен под стражу на досудебной стадии, эта мера считалась автоматической и бесспорно необходимой до окончания процесса. Длинный и извилистый путь к замене этой концепции ценностью личной свободы как принципа можно пронаблюдать в серии дел против Болгарии (см. *Ilijkov v. Bulgaria*, №. 33977/96, 26 июля 2001 года, и много последующих дел). Подобная концепция автоматически предполагаемой необходимости лишения заявителя свободы отражена и в положениях Уголовно-процессуального кодекса Украины в отношении продления содержания под стражей на тот же срок и на какой продлен срок досудебного расследования, а также автоматическое продление содержания под стражей на время, необходимое для ознакомления обвиняемого с материалами дела при отсутствии какого-либо решения о продлении меры пресечения. Любая концепция автоматической законности лишения свободы является несовместимой с принципами Конвенции, и статья 5 § 4 бесспорно является процедурной гарантией и средством защиты против такого лишения свободы.

Краткость постановлений судов в данном деле отражает тот же принцип автоматизма и ограниченной компетенции судов в осуществлении пересмотра содержания под стражей на стадии судебного рассмотрения. Центральным вопросом в жалобе заявителя по статье 5 § 4 Конвенции было, что *«национальные суды не анализировали обстоятельства оправданности содержания под стражей»* и использовали *«стандартную формулировку 'меру пресечения оставить без изменений'»* (§ 53 возражений).

Я не смогла увидеть средства защиты, которое убедило большинство в том, что они были *«были эффективны хотя бы в теории, поскольку заявитель имел право инициировать пересмотр содержания его под стражей и что суды имели достаточную компетенцию для изменения меры пресечения»* (параграф 57).

В этом отношении Правительство ссылалось на тот факт, что *«национальные суды неоднократно пересматривали законность содержания заявителя под стражей (15 июля 1999 года, 21 января и 15 апреля 2002 года). Каждый раз суд приходил к выводу о правильности меры пресечения и о необходимости ее продления... Основания для продления содержания его под стражей были «достаточными» и «соответствующими», учитывая разумное подозрение и склонность к уклонению от суда (§§ 90 и 91 возражений)»*. Эти постановления были раскритикованы Судом по статье 5 § 3 в том, что суды не смогли *«предоставить каких-либо оснований для обоснования содержания заявителя под стражей, просто указав о том, что предыдущая мера пресечения была правильная»*. Как мне кажется, эти выводы также относятся к жалобам заявителя о формальном характере и ограниченных пределах пересмотра законности содержания под стражей. Статья 274 УПК 1960 года не требует от национальных судов предоставления оснований для «подтверждения» ранее избранной меры пресечения. Ее вторая часть ограничивает пределы их рассмотрения, ссылаясь на критерий, применяемый в процессе первичного определения меры пресечения. В деле заявителя основания рассматривались несколько лет назад и определенные границы пересмотра не могли включить каких-либо последующих обстоятельств, таких как длительность содержания его под стражей до этого времени и/или старательность органов власти в этот период. Присоединяясь к большинству в выводе о формальном характере и ограниченных рамках пересмотра по статье 5 § 3, я не вижу того, как эти же раскритикованные постановления в качестве результата процедуры, могут отвечать требованиям статьи 5 § 4 Конвенции.

Ответчик украинское Правительство не аргументировало того, что существовали другие доступные средства защиты или что заявитель не подавал ходатайств об освобождении на стадии судебного

разбирательства. Вопрос в данном деле не в том, подавал ли заявитель ходатайства об освобождении, а в том, предоставляло ли какое-либо ходатайство или какое-либо положение закона *«право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным»*. Суд всегда отмечал, что *«наличие такого средства защиты должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, иначе оно будет лишено доступности и эффективности, требуемых для целей статьи 5 § 4 (см. Van Droogenbroeck v. Belgium, judgment of 24 June 1982, Series A no. 50, p. 30, § 54; De Jong, Baljet and Van den Brink v. the Netherlands, judgment of 22 May 1984, Series A no. 77, p. 19, § 39; and Yağcı and Sargin v. Turkey, judgment of 8 June 1995, Series A no. 319-A, p. 17, § 42 и многие другие)*. Общее право обвиняемого *«подавать ходатайства и возражения на ходатайства других сторон в процедурах»* по статье 263-3 УПК Украины не сопоставимо с процедурой *habeas corpus* по статье Article 5 § 4 (параграф 57) и иное даже не доказывалось. Таким образом, остается неясным, например, что такое компетентный суд, какой процедуре он должен был следовать, какие временные ограничения или периоды времени необходимы для пересмотра и на основании какого критерия суд должен был принимать постановления по ходатайствам о пересмотре законности содержания под стражей.

Предпринятый пересмотр в данном деле демонстрирует, что на практике *«не указывали никаких оснований для содержания заявителя под стражей, просто отмечая, что избранная мера пресечения была правильная»*. Кроме того, *«национальные органы власти не рассматривали применение альтернативных содержанию под стражей мер»*. В национальном законодательстве нет других норм, устанавливающих процедуру, по которой лицо может обратиться в суд с ходатайством о пересмотре законности содержания под стражей, и не ясно существует ли хотя бы «в теории» средство защиты, которое соответствовало бы требованиям статьи 5 § 4. Правительство-ответчик не показало и даже не утверждало, что существует иная практика судов, нежели раскритикованная Судом в контексте рассмотрения нарушения по статье 5 § 3.